

1915-1916

ДАНТОВА ЛЕГЕНДА

Дантос муртунд елден бр су
Удменд (эбис эред, кунд эде,
Нот дед, дундер (симетре дунд
Кнедунд, мему дунд) арун дунд
Дне бд ирнунд унунд кунд
Арнунд дундунд кундунд кундунд

1

Итак, мы в путь пустились на рассвете.
Опьянены небесной синевою,
Мы шли и были веселы, как дети,
Как путники со светлою душой,
Которой чужды робость и тревога.
Звала нас неизвестная дорога.

И обернулись мы в последний раз
Назад, но не тянуло нас обратно,
Туда, где ничего не ждало нас,
Где прошлое исчезло безвозвратно,
И не сопутствовала нам печаль-
Нас яркая околдовала даль.

Мы пели песни, восторгались блеском
Оружия, шагая по полям,
И как в лазурном сновиденьи детском,
Всё безмятежно улыбалось нам.
Не омрачала нас ни грусть разлуки,
Ни тень предчувствия смертельной муки.

И поле, как безбрежный океан,
Приветствовало нас волной прибой,
Манили нас рассветы дальних стран,
В лицо дышало солнце золотое,
Вела дорога в дальние края,
Петляя как гигантская змея.

Так весело, без всякого усилья,
 Решив до ночи отложить привал,
 Мы шли, как будто кто-то дал нам крылья,
 Как будто кто-то нас околдовал...
 Вершины гор глядели величаво,
 Глядеть на мир-их вечная забава.

Спускалась ночь, когда в селе большом
 Разбили мы палатки для привала.
 И беззаботно в танце круговом
 Всё закружилось, песня зазвучала,
 Не умолкая в этот поздний час,
 И пенилось вино в последний раз.

Луна уж поднялась и постепенно
 Жемчужной мглой покрыла лик земли,
 Когда в палатках на охапках сена,
 Усталые, мы отдохнуть легли.
 Спокойной ночи ! Сладких сновидений!
 Блаженным сном заснули мы на сене.

II

И так мы были веселы три дня.
 Но путь иной открылся перед нами,
 Путь в темноте, без солнца, без огня,
 Где было лишь мучительное пламя,
 Один костер страдания и зла...
 Душа впервые ранена была.

Казалось, даже небо изменилось.
Сгустились тучи. Начались дожди.
Дорога, вся размытая, змеилась
С загадочным туманом впереди.
Как небеса, мы помрачнели сами...
И стыли наши души под дождями.

Мы у дороги увидели труп,
Уже обезображенный распадом...
В молчанье тягостном, столпясь вокруг,
Мы на него смотрели хмурым взглядом—
Кто он ? Увы, с лица его вода
Все знаки жизни смыла навсегда.

Стояли долго мы, пока с дороги
Его со смехом кто-то не спихнул
В траву... Переглянулись мы в тревоге,
И не один из нас тогда вздохнул:
Он тоже жил, любил, борясь и мучась...
Так, может быть, и нас ждет та же участь ?

И я пошел вперед. И вдруг просвет
Увидел в тучах... Из-за гор косое
Скользнуло солнце. И забыв скелет,
Я пил дыханье свежее земное,
И сердцу, восхищенному в тот час,
Мир показался добрым без прикрас.

А солнце мокрые ласкало дали
 Горячим золотом перстов-лучей,
 В траве журчал не знающий печали,
 Всегда куда-то рвущийся ручей.
 И спущенною с тетивы стрелой
 Взлетела птица в небо голубое.

О эта даль, без края, без начала,
 Лазурь небес, подобная стеклу...
 Казалось, всё душе напоминало,
 Что в этом мире, равнодушном к злу,
 Ни день один, ни половина века
 Не стоят слез и жалоб человека.

И тут я задал сам себе вопрос:
 Куда же мы идем, так твердо веря ?
 Ведь в мире столько горя, столько слез,
 У всех своя печаль, свои потери,
 Так что же мы от этой жизни ждем,
 Идя сквозь все преграды напролом ?

Зачем над нами, как мираж , повисла
 Мечта пустая ? Ведь за веком век
 Везде война и зло... Какого смысла
 В уничтоженье ищет человек ?
 Кому корысть, что льется кровь живая ?
 Кто зло творит, мир в пекло превращая ?

И неужели люди в небеса
Здесь не смотрели, или в эти дали,
Где солнце совершает чудеса
И лечит дух, снимая груз печали,
И каждый камень, каждый лепесток
Вселяет в сердце радость и восторг ?

Нет... Дьявол посмеялся над счастливой
Долиной этой, навредил как мог-
Он зной наслал, решив покончить с нивой,
Её колосья высушил и сжег...
С тоскою шел я по тропе у края
Горы, долину с грустью озирая.

И вновь в траве я трупы увидал...
И волосы... А дальше тряпок груды...
Кровавые лоскутья одеял...
И крошки хлеба... Кто бежал отсюда ?
Кто этот ужас навсегда унес
С душой, окаменевшею без слёз ?

А вот рука отрубленная...рядом
Гниет кусок ступни...Вокруг нее,
Ужасным привлекаемое смрадом,
Прожорливое кружит воронье...
А на скале между двумя камнями
Лежит ружьё, ржавея под дождями...

И в тягостном молчанье наш отряд
Шел вверх, куда вела тропа крутая...
Мы как сомнамбулы сквозь этот смрад
Шагали, ничего не замечая,
Сквозь камни, бурелом и сорняки,
Взвалив на плечи тяжкий груз тоски.

III

И снова в путь пустились мы с рассветом.
Он через горы шел на этот раз
И был довольно труден, но об этом
Не говорил почти никто из нас,-
Тех, кто роптал на трудности дороги,
В миг отрезвлял соседа окрик строгий.

Я не забуду грозный тот подъем
К вершинам неприступным и опасным...
И столько веры, воли было в нем,
Что был он вместе страшным и прекрасным.
Сердца пылали- в этот трудный час,
Казалось, крылья выросли у нас.

Теряя подо льдом следы дороги,
Мы шли вперед, подставив ветру грудь.
Скользили наши раненые ноги,
Опасен был коварный снежный путь...
И так, борясь то с камнем, то со льдиной,
Мы пробирались с ловкостью звериной.

Всё круче, всё труднее был подъем.
 Ни путника, ни птицы не встречая,
 Цепочкою ползли мы вверх, с трудом,
 Куда манила тропка ледяная...
 А снег коварный, затрудняя шаг,
 К подошвам прилипал, тянул в овраг...

Был день, когда, добравшись до вершины,
 Мы замерли... В бездонной тишине
 Сверкали льды, и ни души единой
 Ни дерева, ни птицы в вышине...
 И вдруг мы ощутили, что ликуем-
 Ведь мы живем, мы дышим-существуем !

И с гордостью окинул я простор,
 Дышала грудь свободнее, -едва ли
 В долине так же, как на пиках гор,
 Мы можем ощутить пространства дали...
 Я радовался, глядя в синеву,
 Что в этом вечном мире я -живу .

И, погрузясь в мир девственной пустыни,
 Я весь отдался далям золотым,
 И про себя поклялся быть отныне
 Великодушным, гордым и простым.
 Но тут боец, нагнувшийся над склоном,
 Позвал меня каким-то странным тоном.

Я подошел и обмер... На снегу
Передо мною женщина лежала...
Забывать ее улыбку не могу
Безумную... В руке она держала
Сухую корку хлеба, точно клад,
Которым пуще жизни дорожат.

В последний раз вздохнула и угасла,
С улыбкой устремив стеклянный взгляд
На нас... Всё это было так ужасно,
Что онемев стоял над ней отряд...
Но с уст, окаменевших от печали,
Тоска и боль великая кричали.

Мы ружьями разрыли мерзлый снег
И бедную беглянку схоронили,
И снежный холм насыпали, навек
Оставив в этой ледяной могиле
Великодушной совести порыв,
Его с несчастной вместе схоронив.

Угрюмые, не чуя гололеда,
Мы шли дорогой бедствия, и зло,
Немой свидетель нашего похода,
В груди смертельным шепотом росло...
От боли сердце в камень превращалось,
Отвергнув сострадание и жалость.

Мы не могли жалеть-тоска и мрак
Терзали душу... Нам казалось: сзади
И впереди-повсюду хитрый враг
Следит за нами, спрятавшись в засаде,
И знали мы , что, яростный и злой,
Он кровь и смерть нам принесет с собой...

Святым казался этот путь печали,
Дорога смерти и ее примет...
В молчанье мы торжественно шагали,
Как будто бы давали мы обет,
Поклявшись всем, что свято нашим душам,
Что мы его до гроба не нарушим.

И некто повстречался нам в пути
С нагруженным тюками караваном.
Что вез он там ? Куда спешил уйти ?
Купил он это иль добыл обманом ?
Не знали мы. А гневу ждаты невмочь...
Он другом нашей крови стал в ту ночь...

И в каждом камне мнилась нам засада,
И всё пугало нас, как знак вражды...
И так мы шли средь пепла и распада,
Встречая смерти страшные следы...
Там, где живой души уж не осталось,
Где гнев и боль перевозмогают жалость...

IV

И вот вошли в селенье мы. Оно
 Расположилось возле водоема.
 Всё было сломано и сожжено,
 Лишь кое-где дымились два-три дома...
 А синяя озерная вода
 Всё ту же песню пела, как всегда.

И волны, словно маленькие дети,
 Играли и резвились без забот,
 Им было так легко на этом свете
 Всегда бежать, всегда лететь вперед,
 Рассказывая между игр и споров
 Десятки детских снов и разговоров.

Но это разоренное вконец
 Село, в своем молчании безлюдном,
 Таинственное, как старик отец,
 Уснувший сном могильным, непробудным,
 Не понимало в этот страшный час
 Злых и счастливых волн живой рассказ.

Вокруг зеленой цепью хоровода
 Тянулся виноградников массив,
 И дикая язычница-природа
 Лежала нежась, груди обнажив,
 И перед каждым, скинув ткань покрыва,
 Свой урожай открыть была готова.

Вдвоем с товарищем вошли мы в сад.
 В лучах мерцали гроздья винограда,
 Он зрел под солнцем, яркий, как агат,
 Его ласкала озера прохлада,
 И волны, исторгая тихий звон,
 Баюкали его спокойный сон.

Забыв усталость, трудные походы,
 Забыв разруху, смрад и воронье,
 В плену очарования природы
 И прелести беспомощной ее,
 Мы наслаждались сочными плодами,
 Припав к ним пересохшими губами,-

Когда мы увидели под кустом
 Труп старика... Под гроздью виноградной,
 Задушенный, лежал он вверх лицом,
 Как будто отдыхал в тени прохладной...
 И страшен был направленный на нас
 Немой вопрос остекленевших глаз.

Товарищ мой стал белый, точно мел,
 Шепнул: «Воды»-и на траву свалился.
 Я подошел к колодцу; я хотел
 Увидеть воду и над ним склонился,
 Но тьмой зияла черная дыра.
 И я достал веревку из ведра.

Я опустил ведро двумя руками
И, плеск воды услышав в глубине,
Стал поднимать. Но тут задел о камень
И расплескал... И показалось мне,
Что там, в заколыхавшейся от встряски
Воде, я вижу духов в страшной пляске...

Я в ужасе склонился над ведром...
Вода всё колыхалась от удара,
И вместе с нею колыхались в нем
Куски истлевших тел... Как от кошмара,
Я от колодца побежал назад,
Спеша покинуть этот страшный сад.

Шатаясь, налетая друг на друга,
Как пьяные, не чуя ног, бегом
Оттуда мы бежали, от испуга
Не замечая ничего кругом-
Ни озера, ни солнечного сада,
Где дьявол всё отметил крапом яда.

V

Однажды, после долгого пути,
Усталые, вошли мы в Мертвый Город.
Смутясь, не знали мы, куда идти-
Ни огонька, ни отблеска за шторой,
Ни фонаря над дверью у крыльца...
И ужас лихорадил нам сердца.

Был город пуст. Во мраке ни крупницы,
 Ни капли света, всё одела тьма...
 Уставив вверх ослепшие глазницы,
 Молчали разоренные дома...
 И мы, смотря на этот мир печали,
 Глаза невольно в землю опускали.

И мы вошли в какой-то темный дом.
 Как без зрачков глаза, уставясь строго,
 На нас смотрели окна; их проем
 Был пуст и слеп, но в нем была тревога...
 Валялась кошка мертвая в дверях...
 И мы перешагнули жалкий прах.

Вошли...Пред нами, кровью истекая,
 С открытым ртом, как будто хохоча,
 Лежала женщина полунагая,
 Но раны на груди и у плеча,
 Рот, замерший в последнем содроганье,-
 Всё говорило здесь о поруганье...

Мозг в черепе моем пылал в огне,
 И растекался, словно нитки пряжи...
 Всё закружилось... Кто-то крикнул мне,
 Что надо убегать нам...Но куда же ?
 Куда бежать, чтоб труп полунагой
 Не следовал повсюду за тобой ?

Мы в городе остались, но не спали.
 В его пустых разрушенных домах
 Всю ночь пред нами призраки плясали,
 Дурачились и прыгали впотьмах...
 И так не прекращалось до восхода
 Круженье дьявольского хоровода.

В пустом особняке, забывшись сном,
 Лежал я в небольшом парадном зале,
 Передо мной, окружены огнем,
 Куда-то мчались, блеяли, плясали,
 Носились, хохоча, во все концы
 Веселые безумцы-мертвецы.

Распухшие тела, сухие груди,
 Обрубки рук, разинутые рты,-
 Кружились окровавленные люди,
 Скакали и кривлялись, как шуты...
 И с ужасом на хоровод потешный
 Я, притаясь, взирал из тьмы кромешной.

Они вертелись и носились вскачь,
 Рыдали, пели, строили мне рожи,
 На радость был похож их громкий плач,
 И были песни их на плач похожи...
 Но как холодный ужас смертных мук,
 Терзал мне душу каждый этот звук.

И дьявольская песня отзывалась
В моем мозгу пыланием огня,
И становилась болью... Мне казалось,
Что я исчез, что больше нет меня,
А где-то там, в горячем сновиденье,
Моя душа летит бессильной тенью...

Как призраки, наполнившие зал,
Я прыгал в их шеренге бесконечной...
Вдруг этот шум нестройной песней стал,
Какой-то детской радостью беспечной,
И понял я, что это вдалеке
Шумит ночное море на песке...

Плясали дети, шумные, живые,
Как солнцем освещенные луной,
И с громкой песней, грозные, хмельные
Кривлялись мертвецы передо мной,
И я невольно вторил их напеву,
Их песне про Астхик, богиню-деву.

В той песне пелось, что Астхик живет
Во тьме глубин морских, никем незрима,
Пусть буря воеет, морщит лоно вод,
Бессмертная, она неуязвима.
Всегда прекрасна, девственно чиста,
Она недостижима, как мечта.

Так под луной, глядевшей в окна зала,
 Кружился хоровод моих гостей,
 Безумный и печальный, и звучала
 Их песня... В вихре дьявольских затей
 Мелькали окровавленные тени,
 Ключицы, шеи, голые колени...

И вдруг, мешая смерть, любовь, мечту,
 В мозгу моем качаясь воспаленном,
 Как песня, всё умчалось в пустоту,
 Мгновенно сгинув в сумраке бездонном...
 И воцарились мрак и тишина.
 И вскоре я отдался власти сна.

VI

Покинув Мертвый Город, мы, с рассветом,
 Пустились в путь-он вел к полям войны.
 Мы бодро шли, не думая об этом,
 Ни пули не боясь, ни крутизны.
 Враг отступал, мы продвигались следом,
 Своим бескровным радуясь победам.

Гремели пушки, оглушив снега,
 И в дали гор мы вглядывались жадно:
 Какие разрушенья у врага ?
 И села их вдали дымили чадно
 И в пепел превращались в полчаса...
 И сизый дым вздымался в небеса.

А мы всё шли вперед по тропам горным,
Где нам грозили пропасти и лед.
Был труден путь, но с мужеством упорным,
Преследуя врага, мы шли вперед,
Как будто нас толкал сам демон мщенья,
Вдохнув нам в сердце пламя разрушенья.

Когда в горах мы сделали привал,
Я вдаль взглянул- внизу шумело море,
И шум его печальный долетал
К вершинам гор, в нем были страх и горе...
И волны разбивались на песке,
Кому-то глухо жалуясь в тоске.

Свинцовое, как серая пустыня,
Лежало море у подножья гор,
И всё, что было розовым и синим,
Всё стало серым-весь земной простор,
Весь мир был серым-горы, небо, дали...
Душа моя была полна печали.

И как у моря старого, во мне
Душа отяжелела. Всё казалось
Смешным и мелким...Где-то в стороне
Гремели пушки, хоть уже смеркалось...
Я встал, пошел...А в горле рос комок...
В тот миг был жалок я и одинок.

Вдруг средь ущелья я остановился-
 Передо мной был труп... А рядом конь,
 Храпя, в предсмертных судорогах бился...
 Куда скакал он ? От каких погонь
 Скрывался среди каменных обвалов ?
 И он бежал, спасаясь от шакалов !

Несчастный конь ! Сорвался ль ты в провал
 Или хозяин твой в тревоге дикой
 Загнал тебя ? Но разве он не знал,
 Что смерть одна-судья наш и владыка,
 Жестокий и глухой ? Так почему
 Он бил и жег ? Кто приказал ему ?

Смотри, теперь лежит он искаженный,
 В кровоподтеках, серый, как свинец,
 Здесь прах его сгниет непогребенный,
 Не выроют ни братья, ни отец
 Ему могилу, не оплачут гроба
 Несчастной жертвы, что сразила злоба.

И против воли, пересилив страх,
 В его лицо взглянул я беглым взглядом
 И содрогнулся... Ощупью, впотьмах,
 Я вышел из ущелья...Где -то рядом
 Сражались наши, хоть простор темнел,
 Не прекращая грозный свой обстрел.

Так день угас в огне и дыме боя.
 Затихло всё. И мы спустились с гор.
 Противник отступил, неся с собою
 Свой тяжкий груз-потери и позор.
 На все утраты, пораженья, раны
 Спустился ночи занавес туманный.

Мы возвращались на ночлег в село.
 Вдали на поле догорало жниво,
 То вспыхивая ярко и светло,
 То снова тлея в темноте лениво...
 Шагали молча мы в туманной мгле
 По взрытой и обугленной земле.

С товарищем моим мы шли в молчанье,
 Хоть жар войны пылал на дне сердец...
 И море, еле видное в тумане,
 Лежало неподвижно, как мертвец.
 А мы всё шли во тьме, куда не зная...
 Всё тот же берег без конца и края.

Когда вдали обрисовалась вдруг
 Гора, и я сказал, что там селенье.
 Но ноги нас не слушались... Мой друг,
 На землю опустясь в изнеможенье,
 Сказал, чтоб шел я, если я могу,
 А сам он будет спать на берегу.

И я пошел один, решив, что вскоре
 На лошади беднягу привезут.
 Путь труден был, но, одолев предгорье,
 Напряг все силы я –подъем был крут,
 Но я в ту ночь во что бы то ни стало
 Решил дойти до нашего привала.

Я поднимался. Ветер бил мне в грудь
 С ужасной силой-в этом поединке
 Я двигался с трудом, боясь шагнуть,
 Чтобы в провал не угодить с тропинки...
 И, напрягаясь из последних сил,
 Как в забытьи я к цели подходил.

Один, без друга...И в глаза мне тыча
 Песчаным пальцем, вихрь толкал в провал...
 Он, как сова громадная, по-птичьи
 Кричал во тьме... Я падал, вновь вставал,
 Дрожали ноги, зрение слабело...
 Но дух мой был в ту ночь сильнее тела.

Я вверх взглянул-как близко горный пик !
 И радуясь последних сил приливу,
 Решил-сейчас дойду...И в этот миг
 Порывом ветра брошен был к обрыву,
 Но, камень обхватив, повис... В тот раз
 Инстинкт меня от верной смерти спас.

Я снова встал, хоть ноги ослабели,
 Побрел вперед...И вдруг увидел свет-
 Так вот оно селенье ! Я у цели.
 Там буду я накормлен и согрет...
 И вскоре, рухнув на охапку сена,
 Сном праведника я заснул блаженно.

VII

Бой начался. Мы встали под горой.
 Противник сверху бил, почти у края
 Ведущей вниз тропинки, и порой
 Атаковал нас, к полю оттесняя.
 По временам же снова наш отряд
 Противника отбрасывал назад.

И падали они, рыча как звери,
 А сзади новый ряд уже вставал,
 С лихвою пополняя их потери...
 Вдруг всё смешалось...Точно грозный вал,
 Бой захлестнул, столкнул в порыве страшном
 Одних с другими...Стал он рукопашным...

Боролись мы, друг друга обхватив,
 Царапались, штыком или прикладом
 Противника толкая под обрыв,
 С жестокой жаждой жить, со смертью рядом,
 Один другого, встретившись грудь в грудь,
 Спешил убить, чтоб выжить как-нибудь...

И мы уже не понимали сами,
 Что делаем... И, встретив смерть в бою,
 Со стоном умирали под ногами
 Товарищи, кляня судьбу свою...
 А мы, как звери дикие, как черти,
 Сражались в царстве ужаса и смерти...

Дрались, шагая прямо по телам
 Товарищей, ступая где попало...
 В тот день ни неприятелю, ни нам
 Судьба в бою удачи не послала-
 Никто из нас предугадать не мог,
 Куда нас унесет ее поток.

Спустился вечер. Под его покровом
 Исчезло всё, земля и небосклон,
 И на поля, в молчании суровом,
 Казалось, опустился мирный сон.
 -Товарищи, прощайте! ..Вы по праву
 Геройскую себе снискали славу!

Мы отступили в эту ночь. Наш путь
 Ужасен был...Мы шли в изнеможенье,
 И ветер выл-казалось, он столкнуть
 Хотел с обрыва нас за поражение...
 Сжимали мозг железные тиски...
 Я за всю жизнь не знал такой тоски.

В душе моей как будто всё горело,
 В глазах огонь пылающий не гас...
 Но тело, человеческое тело,
 Хотело жить ! Как смертник в страшный час,
 Перед собой увидев смерть воочью,
 Бежал и я с другими этой ночью.

И пули ярко-красные во тьме
 Летели вслед с каким-то свистом диким,
 И в этой сатанинской кутерьме
 Товарищи за грудь хватались с криком
 И падали на снег, и звали нас
 Губами белыми, в последний раз...

И лишь когда блеснул в небесной сфере
 Восхода луч, при свете мы с трудом
 Нашли друг друга, всё еще не веря,
 Что это мы, что мы еще живем...
 В ту ночь в душе, как в воинской могиле,
 Друг друга мы без слез похоронили...

.....
 А павшие остались на полях.
 Над ними снег теперь воронкой кружит...
 Там, где навек умолкли боль и страх
 И с вечностью душа безмолвно дружит,
 Где, памятью о жизни их, тропа
 Лишь кости сохранит да черепа.

Сейчас там тьма...И только ветер горный,
Рыдая, снег сметает с мертвых тел.
Там смерть справляет праздник свой тлетворный
В груди снегов...И кто б туда посмел
Вернуться ? Кто бы вспомнил, где дорога
К владениям невидимого бога ?

.....

А мы живем. Мы дышим...Здесь мы вновь,
В сожженном и разрушенном селенье,
Где каждую минуту брызжет кровь,
Где в каждом доме смерть и запустенье...
И где порхает средь добра и зла
Удачи своенравная пчела.

И нас не ужасают пепелища,
Людей непогребенные тела...
Мы с хохотом бросаем горы пищи
В зев пропасти, без меры, без числа...
И не имеют уж для нас значенья
Безгласные судьбы предназначенья.

В разгаре пир...Вино здесь-как река...
Мы отдаемся, захмелев, гулянью...
Здесь нет греха, чтоб не пустил ростка,
Готова жертва тучная к закланью...
Для чьих-то поражений и удач
В чужих руках мы-жертва и палач.

VIII

Вчера, с зарей предавшись мрачным думам,
 В молчании стоял я на холме.
 Вдали поток летел с веселым шумом,
 И этот лепет долетал ко мне.
 Ни облачка в светлеющей лазури...
 И я забыл страдания и бури.

О, этот хоровод зеленых сел,
 Поля вдали, от солнца золотые,
 Где не царят ни зло, ни произвол,
 Где вместо битвы сумрачной стихии
 Мечта всё лучезарней, всё светлей
 Парит над ярким золотом полей.

Вокруг была такая безмятежность,
 Что страшным сном поход казался наш...
 И мира прошлого покой и нежность
 Околдовали душу, как мираж...
 Увы, здесь жили в скорби и печали,
 О нежности веками не слыхали !

О, вечная родильница и мать,
 Что в муках из беременного чрева
 Вовек не перестанет исторгать
 Мильоны жизней, красок,-чудо-дева,
 Что испокон веков и до сих пор
 Приносит в мир весов извечный спор !

О варвар, то безумец, то мудрец,
Ты-зверь, трава, что силою заклятий
Миры сжигает, колдовской чабрец,
Миры творящий посох благодати !
Ты-дух болотный с тусклым огоньком,
Священная молитва ни о чем !..

...И надо жить, шагать, шагать вперед,
Желанья ношею взвалив на плечи,
Бессмысленно свершая жизни ход,
Чтоб звезды зажигать, гасить, как свечи,
Чтоб наважденье длилось день за днем
И жизнь казалась бесконечным сном...

1915-1916

Турция-Персия

VII армянская добровольческая армия

Перевод М. Павловой